

Первые дни войны

Все дальше и в глубь истории уходят события Великой Отечественной. Пройдет еще некоторое время – и не останется в живых даже родившихся в годы той войны. То, что нам сейчас кажется второстепенным, незначительным – через много лет, для тех, кто изучает Великую Отечественную войну, будет бесценным материалом воссоздания истинной картины минувшего. Вот эти мысли и подтолкнули меня вспомнить и описать то, что я видел, слышал и пережил...

Наша семья (отец Макар Степанович, мать Анна Казимировна и я) жила в Белоруссии на железнодорожной станции Тошица. Это между Быховом и Рогачевом. При станции была неполная средняя школа-семилетка, которую я окончил в 1941 году. В ней учились не только станциинне дети, но и с окрестных деревень. В субботу 21 июня 1941 года выдавались свидетельства об окончании школы, но почти никто их не брал – с осени в ней открывался 8-й класс. И большинство учеников 7-го класса переходили в 8-й. Все были очень рады, так как до этого окончивать среднюю школу надо было ехать в Быхов или Рогачев. Но никто из выпускников семилетки больше не учился в нашей школе. И мало кто из них, особенно ребята, остались в живых к концу войны.

Назавтра, то есть 22 июня, я читал какую-то художественную книгу, полулежа на сундуке, стоявшем у окна, которое выходило на улицу, подложив под спину и голову подушку. Читал я в детстве очень много, запою, в том числе и книги серьезные, не по возрасту. Вдруг слышу – кто-то кричит: «Война, война...» Посмотрел в окно и вижу – кричит наш сосед Константин Скобов, у которого был радиоприемник, что в то время было редкостью. Вокруг Скобова собрался народ, и он стал рассказывать, что в 12 часов по радио выступил Молотов, сказал, что Германия вероломно напала на СССР, и призвал народ на защиту Родины. Люди загудели, заволоновались, стали собираться группами. На памяти у большинства были Первая мировая война, оккупация Белоруссии немцами, гражданская война. Люди стали обсуждать, чем же запастись, исходя из опыта прошедших войн. А это, как все решили единогласно, мыло, соль, спички и керосин. Ну и конечно, хлеб, сахар, чай.

В конце июня в Тошице было много студентов, курсантов военных училищ, приехавших на каникулы. Узнав, что началась война, им надо было немедленно прибыть в свои воинские части, военные училища, институты, техникумы. А это Москва, Ленинград и другие города – от Тошицы в основном на север. В шесть часов вечера через Тошицу ежедневно проходил пассажирский поезд Одесса – Ленинград. Вечером 22 июня вся молодежь бросилась на вокзал. Билетов нет. От Одессы до Тошицы все билеты уже расхватали. Подходил поезд – весь облеплен людьми, как муравьями, висели на подножках, стояли на буферах между вагонами, на крышах тоже сидят, непонятно, как они там держатся. Проводники понимают ситуацию и билеты уже не спрашивают. На станции крик, плач, причитания: провожают своих сыновей, мужей, родных и близких. Кое-как втиснулся в поезд и наши ребята. Поезд тронулся, и они уехали... навсегда. Не знаю, чтобы кто-то вернулся домой... Почти все погибли.

На второй день войны жизнь уже была парализована: поездка не ходили, почти не работала, газет не было, писем, до освобождения Тошицы Красной армией в 1944 году, не получали. Что делается в мире, стране и на фронте – неизвестно. Единственным информатором для нас был владелец радиоприемника Скобов, который рассказывал, что радио передает о сильных боях и ожесточенном сопротивлении наших войск в приграничных районах.

Не помню, на второй или третий день войны услышал гул самолета. Гудел «не по-нашему». Мы к своим привыкли – в Быхове был аэродром: наши бомбардировщики гудят с рокотом, как будто издают букву «р-р-р...». А у этого – «гуу-гуу-гууу...». Отец говорит: «Это немец. Услышите свист – ложитесь на пол». В это время стал давать тревожные гудки оказывались на станционных путях паровоз. Через несколько мгновений раздался сильный свист – летят бомбы. Я скатился с кровати на пол. Тут же раздался взрывы – дом, пол и землю застряло, повывлетали стекла, стало страшно. Не хотелось умирать. Хотелось прогрызть зубами, процарапать руками пол и глубже войти в

землю. После первых взрывов раздались еще, но уже дальше – ближе к станции. Ко мне подбежала мать: «Ты жив, жив!» «Жив», – говорю. На улице стало темно от пыли и дыма, дышать было трудно. Гула самолета больше не было слышно – улетел, опасность миновала. Отец пошел по направлению к взрывам, откуда шел дым и тянуло гарью, я за ним.

Первые воронки от двух бомб мы увидели метров в 70-100 от нашего дома. Диаметр воронок, насколько помню, был около метра, глубина сантиметров 50. Стоя у первой воронки, мы с отцом услышали, как кто-то трисной бежит к нам, пыхтя и охая. Рядом жил сосед Богданович Семен Емельянович, пожилой и грузный человек. «Ой, ой, ой – моих убило», – можно было разобрать, как он произносил постоянно эту фразу. В саду у Богдановича стоял большой дом, где он жил с женой. Рядом в маленьком домике жила сестра жены. Бомба разорвалась между их домами. Жена Семена Емельяновича спала у стены, а он сам с краю. При разрыве осколки иссекли бревна дома на уровне койки, то же сделали и с телом супруги Семена Емельяновича, а сам он не получил даже царапины.

Мы с отцом вошли в дом и увидели на постели кровавое месиво. Картина жуткая. После этой бомбежки я три дня в рот, кроме воды, не мог ничего взять. Потом мы побежали к маленькому домику, откуда слышались стоны. Своиченица Богдановича была тяжело ранена осколками. Вскоре подошли женщины-соседки и как могли перевязали раненую. А так как в Тошице не было ни больницы, ни даже медпункта, надо было отправлять раненую в райбольницу в Быхов. Поезда уже не ходили, и ее отправили в июньскую жару на ручной дрезине. Довезти-то до Быхова ее живой довезли, но вскоре она умерла...

Боясь повторных бомбежек, многие семьи, в том числе и наша, в лесу (благо он был рядом с домами) построили шалаши и жили в них. Взрослые периодически ходили домой смотреть за хозяйством, скотиной, варить обед, печь хлеб. А мы, подростки, жили в лесу, как на даче, и радовались этому. Правда, взрослые запрещали шуметь и разводить костры, заставили снять с груди значки, подтверждавшие участие в разных оборонно-спортивных и общественных организациях (до войны это было модно): БГТО – будь готов к труду и обороне, МОПР – международная организация помощи революции, КИМ – коммунистический интернационал молодежи, СВБ – союз воинственных безбожников (была и такая организация) и т.д.

В нашей семье в армии было в то время три моих брата: Ваня, Вася и Володя. Где они, что с ними – неизвестно. Может, уже и нет в живых. Отцу было 56 лет, и в армию его не отомобилизовали. Да при таком стремительном наступлении немцев никакой мобилизации и не проводилось – не успевали. Папа ходил хмурым, мама постоянно плакала. Где-то на пятый или шестой день войны мы видели жуткую картину воздушного боя. Дело было вечером. Из-за Днепра (а он от нас в 12 км), низко над горизонтом, появляется группа тяжелых бомбардировщиков ТБ-4, идущая в боевом строю на запад, без прикрытия истребителей. По-видимому, был расчет: пока светло – пройти над нашей территорией, а при подходе к линии фронта – солнце зайдет, наступит ночь и можно спокойно, не опасаясь нападения истребителей, лететь дальше на выполнение задания. Мы, мальчишки, насчитали 27 самолетов – это авиационный полк. Машины шли медленно, тяжело, невысоко, надрывно ревели моторы. Хотелось, чтобы машины загружены под завязку. Люди смотрели и радовались: вот, где-то за-

паднее, дадут немцам жару. Но... случилось неожиданное. Вдруг с юга, со стороны Рогачева, над нашими головами со звенящим гулом моторов, как бешеные собаки, сорвавшиеся с цепи, в сторону бомбардировщиков промчались два «Мессершмитта». И... началось. «Мессершмитты», как волки на стадо жирных, неповоротливых, беззащитных баранов, стали нападать на тяжелые неповоротливые тихоходные бомбардировщики, непрерывно атакуя четкий строй полка. Поснадея атаке от строя отваливалась тяжелая машина или две, за которой тянулся черный шлейф дыма. Строй полка рассыпался. Неповрежденные еще машины, тяжело разворачиваясь и сбрасывая бомбы на лес, пытались уйти обратно за Днепр. Но их клевали и добивали немецкие стервятники. Люди плакали, видя эту расправу...

...Проходили группы беженцев и рассказывали печальные вестии: наши войска отступают, немцы сильны, много танков, самолетов. Среди населения распространялись слухи, что наши отступают умышленно, как в 1812 году, чтобы заманить немцев в глубь страны, растянуть их коммуникации. «Вот когда немцы ослабнут, тогда уж мы им дадим жару». Конечно, здравомыслящие люди понимали, что это самоуспокоение. А в Тошице по-прежнему ни наших властей, ни немцев.

В конце июня – начале июля через Тошицу стали идти на восток разрозненные группы красноармейцев и командиров. Все, буквально все рассказывали одно и то же: что их воинскую часть немцы окружили, боеспособны, горящие кончились, продовольствия не было, восовать нечем. Командиры сказали: рассыпайтесь по группы и пробий-

тесь лесами на восток, за Днепр, там, наверное, будет создана сильная оборона. Чем могли местные жители кормили отступающих, и они шли дальше. Группы были небольшие: 5-10 человек.

Эта «встреча» произошла 30 июня 1941 года. Группа подростков, в которой был и я, собралась около лесничества. На юге, в районе Рогачева, слышна уже была далекая канонада. Сидим, обсуждаем «проблемы» войны, кто такие фашисты, что будет с нами, комсомольцами и пионерами. Галстуки и значки мы уже снимали, еще когда пряталось в лесу. Вдруг с юго-восточной стороны, где за лесом находится километр в трех деревнях Великий Лес, слышим гул машин. Автомобилей тогда было очень мало, мы их и не ожидали, да и гул был сильный, как будто бы идут танки. Не успели мы обменяться мнениями и догадками, как из леса, который находится рядом, выскакивают три «танкетки». Была такая классификация легких танков до войны. Как потом я разобрался, уже будучи в армии, это были немецкие танки Т-П. Танки остановились метрах в пятидесяти от нас. Люки закрыты, пулемет каждого танка направлен на нас. Но никто как-то не испугался. Нас разбирало любопытство, какой-то интерес к этому событию. Вдруг лок в одном танке открылся, из него выпунулся человек в танковом шлеме и черном комбинезоне. Танкист махнул нам рукой и крикнул «ком», то есть «идите сюда». А до войны в большинстве школ у нас изучали немецкий язык. Так что мы сразу поняли, что от нас требуется, и гурьбой, ничего не боясь, шумно побежали к танкам. Все мы были в трусах и босиком с почерневшими от загара и грязи ногами. Видя, что перед ними ребяташки, танкисты отк-

рыли люки остальных танков и тоже высунулись из них. Немцы с любопытством рассматривали нас, а мы – немцев. Первым вопросом немецких танкистов был: «Русши зольдате-тен в Тошица ист?» Мы в ответ, используя «прекрасное» знание немецкого языка, полученное в школе за три года (начинали изучать немецкий язык с 5-го класса и учили его через пень-колоду), хором закричали: «Найн, найн!», то есть – нет здесь солдат. Так оно и было в действительности. Немцы закрыли люки и поехали по улице дальше.

Через некоторое время мы пошли по отпечаткам гусениц. Подошли к магазину селью. Магази немцы разграбили. Забрали продукты питания и папиросы. (Видя, что власти уже нет, магазин разграблен, местное население процесс завершили.) Недалеко от магазина стояла деревянная одноэтажная школа. Участь магазина постигла и школу: окна разбиты, двери поломаны. Через окна в школьный двор были выброшены школьные журналы и другие документы. Зачем они тронули все это – понять не могу. Я начал копаться в сваленных в кучу документах, и какова же была моя радость, когда я нашел классный журнал нашего 7-го класса с годовыми и экзаменационными оценками всех учеников. Несколько листов из журнала со своими итоговыми оценками я вырвал, а мать моя сохранила их до освобождения Тошицы от немцев и хранила потом, когда меня уже взяли в армию. Эти «несколько листов» с оценками (а учился я хорошо, был отличником) мне потом очень помогли при поступлении в военное училище. Других документов об окончании школы у меня не было.

4 или 5 июля появилась странная группа наших военных.

Чувствовалось, что идут они изда-лека, устали. Было их человек 10-15. Все в хромовых сапогах, измазанных грязью. Одеты были хорошо, в шерстяных, защитного цвета гимнастерках. Знаков различия и даже петлиц не было. Все были в фуражках, без винтовок. О пистолетах не скажу, на ремнях не было. Может быть, переложили в карманы, не знаю.

Подойдя, военные поздоровались. Попросили водички. Я как раз стоял у колодца, опустил «журавель» вниз, достал воды. Некоторые военные достали из вещмешков котелки, некоторые – кружки. Я разливал воду в подставляемые котелки, кружками черпали сами. Ведро быстро разошлось. Стесняясь, попросили чего-нибудь покушать. Женщины побежали, притащили хлеба, молока, творогу. Отец принес даже кусок сала. Видимо, вспомнил о своих сыновьях – и сала не пожалел.

Военные закурили по одной папиросе на двоих-троих (по-видимому, курево кончилось). Жители спрашивали, и они отвечали, но неохотно, односложно, туманно. Кто они, откуда и куда идут – не говорили. Одна деталь: из всех военных не подходили к образовавшейся небольшой толпе три человека. Один, по-моему, в закрытом кителе без знаков различия и еще двое, не отличавшиеся от других военных. Воду и еду им подносили другие военные из общей группы. Я обратил на это внимание и присматривался к этой «троице». Один из них, что в кителе, с суровым, но уставшим и осунувшимся лицом и лысой головой, как ни странно, мне, подростку, пока-зался знакомым. Где-то я его видел. Но вспомнить никак не мог.

Немного отдохнув и подкрепившись, военные начали расспрашивать нас. Главным вопросом было: нет ли у нас текста выступления товарища Сталина 3 июля, а мы тогда об этом выступлении даже не слышали. Отдохнув, раскрыв карту, о чем-то посоветовавшись с начальником, на роль которого явно претендовал человек с голым черепом и выдающимся вперед подбородком, группа пошла по проселочной дороге, которая вела на Новый Быхов через деревню Красный Берег. Вот тут-то мой отец и не выдержал. «Э-э-эх, – застал он и с размаху бросил кепку наземь, – хлопцы (а в Белоруссии слово «хлопцы» заменяет слова «ребята», «парни» и даже «друзья»), куда же вы уходите, что же вы бежите перед немцем, на кого вы нас бросаете...», выражая этим горечь своей обиды за происходящее. Не ожидая такого оборота, группа остановилась. И вот тут-то «человек, похожий на командира», что с голым черепом, подошел к отцу и спросил: «Как ваше имя и отчество?» Отец представился. Командир тихим голосом сказал примерно следующее (я стоял позади отца и все слышал): «Макар Степанович, трудно сейчас объяснить причины происшедшего, да и время не позволяет – в любой момент могут появиться немцы. В итоге мы немцев разобьем. Товарищ Сталин приказал организовать оборону на Днепре и не пустить врага дальше этого рубежа. Вот мы и идем за Днепр. У вас кто-нибудь военог?» Отец отвечал: «Да, три сына. Вот и четвертый подрастает». «Желаю вам и вашим сыновьям уцелеть в этой войне и с победой вернуться к родным очагам», – сказал «командир», пожал отцу руку и группа тронулась.

Эту встречу я запомнил на всю жизнь. И все же, по-моему, узнал, что это была за группа. А произошло это через 55 лет – в 1996 году. К этому времени я уже более 43 лет отслужил в армии и 8 лет находился в запасе и отставке. В 1996 году я приобрел книгу «Маршалы Советского Союза». И вот с 45-й страницы на меня суровым взглядом смотрел человек, которого я видел 5 июля 1941 года в Тошице. От неожиданности я даже вздрогнул. Это был маршал Советского Союза Кулик Григорий Иванович. До войны я видел его на фотографиях в газетах.

Где-то в середине июля в Тошице появилась и немецкая пехота (борее двух недель с момента появления танков 30 июня немцев в Тошице не было). Группа была небольшая – до 15 человек. Зашли к нашей селке. Стали шарить в кладовке, по полкам, в шкафике. Нашли запас маста, в погребе обнаружили кувшины с неснятыми сливками. Разместились за длинным столом, что был у хозяйки, и стали все «уплетать». Хлеб тоже взяли у хозяйки, толсто намазывали его маслом. Потом запивали все молоком со сливками. Отпускали какие-то шутки. Ржали. Соборались соседи посмотреть на немцев (мужчины не подходили). Мы, подростки, крутились

тут же и с любопытством разглядывали солдат. Во время еды и после, отдыхая за столом и разговаривая, немецкое воинство показывало свою европейскую «культуру»: не стеснясь никого, даже присутствующих женщин, солдаты громко испускали «тяжелый дух». И даже соревновались при этом, громко хохоча. Женщины возмущались вслух: «Вот это культура!» Немцы понимали, но не обращали внимания, продолжали «это», громко смеясь. По-видимому, считали нас низшей расой, «русиш-шен швайи».

Где-то в начале второй половины июля в Тошицу и прилегающие деревни нахлынули тыловые и резервные немецкие воинские части. Все кишело немцами. Особой маскировки не соблюдалось. Да и необходимости в маскировке не было: наших самолетов и духу не было. Немцы чувствовали себя бесечно, хотя фронт был почти рядом.

Не могу не остановиться на одной щепетильной теме, не совсем приятной для чтения. Каждому военному человеку известно, что при расположении воинского подразделения в полевых условиях в первую очередь оборудуются отхожие места. Так вот, немецкие солдаты свои туалеты оборудовали следующим образом. Между двух сосен рыли ров. К соснам прибавили толстую жердь на высоте одного метра. На эти жерди-бревна солдаты садились, спустив штаны. Чтобы ноги не болтались, на высоте 40-60 сантиметров от земли делали ступеньку из 1-2 жердей на всю длину рва, на которую солдат становится ногами. А чтобы они не свалились назад и не попал в ров (тем более после принятия «на грудь» шнапса), с другой стороны деревьев прочно прибавляли другую жердь, на которую «заседающий» мог бы откинуться, имея три точки опоры. Но что характерно, туалеты эти делались не где-то в кустах, за деревьями, а прямо на опушках леса. И вся эта картина видна была с улицы и из окон домов. Что это было: тулупость немецких солдат, пренебрежение элементарной культурой или же попытка оскорбить и унижить этим нас?

Однажды, не знаю по какому поводу, к нам в дом зашли человек 5-6 солдат. На столе лежали учебники немецкого языка за 5-й, 6-й и 7-й классы. Я пытался навернуть упущенное в школе: появилась потребность в знании немецкого языка. Солдаты начали рассматривать учебники. Один немец начал зачитывать тексты. Во многих местах по ходу чтения немцы ржали, как лошади. Я потом уточнил, что же вызывало их громкий смех – это были места, где описывалось, как плохо живут рабочие и крестьяне в Германии, как жестоко разгоняют полицией демонстрации против фашистского режима, что Эрнст Тельман – вождь немецкого народа, что скоро германский народ, по примеру народов Советского Союза, под руководством компартии Германии, возглавляемой Э. Тельманом, поднимется на революцию против капиталистов и помещиков, возьмет в свои руки власть, отнимет у паразитов фабрики, заводы, землю, построит свое рабочее-крестьянское государство, где нет эксплуатации человека человеком, и заявит притяпеваую.

Были до конца июля еще три или четыре случая попыток групп наших бойцов пройти мимо Тошицы и вблизи ее. Их быстро обнаруживали. Итог боеспособностей был печален и трагичен. Отдельные бойцы, не вступая в бой, сдавались в плен, которым удавалось скрыться в лесу. Часть бойцов была уничтожена, и тела оставались лежать на обочинах лесных дорог. Местные жители после ухода немцев хоронили их тут же, под деревьями. Они и сейчас там лежат – «без вести пропавшие». Да, велика и до сих пор не осознана многими нашими людьми трагедия первых дней и месяцев войны. Тем достойнее должна быть оценена наша победа в 1945 году и величественнее представлена последующим поколениям. Проморгало руководство нашей страны во главе с «отцом всех народов» начало войны. Позор ему и проклятие: положили «лишние» миллионы людей из-за своего головоуотияства. Честь и вечная слава тем, кто сумел выгащить страну, казалось бы, из пропасти!

Вся Белоруссия к сентябрю 1941 года была занята немцами. Началась жизнь в оккупации, которая для станции Тошица длилась с 30 июня 1941 года, когда сюда вошли немецкие танкисты, и до 23 февраля 1944 года, когда в Тошицу ворвался и с боем ее освободил лыжный батальон Красной армии. Итого, без недели – два года и восемь месяцев.

Алексей ДРАГУН

РS. Алексей Драгун 17-летним юношей в 1944 году был призван в Красную Армию. Прошел путь от рядового до генерал-майора, прослужив в рядах Вооруженных сил 43 года. Участник боевых действий в Афганистане и ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Награжден 4 орденами и 29 медалями.